

Скорбящий гений¹

СКОРБИТ ПРИРОДА, цвет ее немногословен.

Двулично небо в сером дне земных обид.

Трава отмылась за века от слез и крови,

А время помнит, грех людской в себе хранит.

Где тот бесславный? Где его ночлег покойный?

Остался мрамор усыпальницы пустым.

Скорбящий гений, облаченный в камень

черный,

Печально смотрит вслед ушедшим и живым.

Пусть

КОГДА пойму земное,

наверно, будет поздно,

наверно, будет в звездах

ночное полотно.

---

¹ Бронзовая скульптура «Скорбящий гений» немецкого скульптора К. Барта (единственная в России работа установлена в 1908 году в селе Архангельское после гибели на дуэли Н. Юсупова. Памятник представляет собой печального юношу с погасшим факелом, как символ смерти и символ безвременно ушедшей жизни).

Бесшумны станут птицы,
покойны станут реки,
и только люди
в своем смешном кино

останутся, как прежде,
горды и многословны.
Покажется условной
и роль моя, и суть,

и черные субтитры,
и белые пустоты.
Пойму, надеюсь, что-то.
Пусть поздно будет.
Пусть.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ — словно одно письмо.
Адреса нет, имя твоё и все...

Но я пишу — верую, что прочтешь
мой черновик. Пусть с опозданием, что ж...

Строки письма — это мои года,
что прожила в небе и городах.

Это мой рейс — и неполетна высь,
если тебя тянет не вверх, а вниз,
если в лицо бьёт беспощадно шквал.
Если бы знал, если б ты только знал,

как нелегко быть не рекой, и вспять
надо идти. Мне ли не привыкать

против летать,
а не по часовой,
против зари,
против себя самой.

Говоря по-русски

ПОЧЕМУ ЧЕРСТВА, почему не больно,
и меня обидеть никто не в силах,
потому что было не хлебосольно,
потому что жизнь, как могла, учила —
раздирала рану, саднила кожу,
чтобы я узнала почем фунт лиха.
Хлеб сама раздобыла, все же,
пусть мука — не белая, пусть, гречиха.
Только хлеб мой черный — он самый вкусный.
Если хочешь, я поделюсь краюшкой.
Можно все стерпеть, говоря по-русски,
мне бы хлеб да соль, и водицу в кружке..

МОЙ ГОРОД не ноет ни в дождь
и ни в слякоть.

Мой город привык парафразами писать.
И я, подражая, смеюсь, чтоб не плакать,
Себя заглушаю опять и опять.

А город мой ветрит, сквозит по проулкам,
Бездомный с дворцами в музеях дворов.
Поет мимотонно, солируя гулко.
Я аккомпанирую дробью шагов.

Мой город не спит, выбирает эскизы
Для снов, что забудутся утром седым.
Мой город малюет, он безукоризнен.
И хочется очень быть понятой им.

УМЕЮ ГОТОВИТЬ простые блюда,
умею писать я, но не шедевры.

Чуть что, принимаюсь болеть простудой.
Надеюсь на Бога, а нервы, нервы
сдают и сдаются при первом бое.
Все ровно как будто и... снова сбои.

Умею утешить — не лестью — словом
прямым. И прости, что бываю честной.
Вранье не поможет в делах особо,
когда не до плясок и не до песен,
когда ты, как спичка, (все те же нервы)
причинно и без — от любви, наверно.

Побудь сам собой, я — собою буду.
Хотя бы, раз в жизни раскроем души.
Садись и отведай простое блюдо,
а я нешедевры прочту, послушай.

Я НЕ СТАНУ МОСКВИЧКОЙ, не знающей
сна и покоя,
в мегаполисе, где бесполезно реветь в три ручья,
где в вагонах метро засыпают, кто сидя,
кто стоя,
где я вечно чужая, а если по правде — ничья.

Нет, не буду страдать без столичной тусовки
табачной,
и без водки «Столичной» я тоже не буду
болеть.

Одиночество — это не повод для лирики
мрачной,
это метаморфоза души. И не выбраться впредь

из болезного дня и хронически муторной ночи —
в ней до белой зари мне бродить между черных
теней.

И пускай долгожданное утро обманно
пророчит,—
я не стану москвичкой.

Не стану, мой город, твоей.

ПРИВЫКАЮ к неожиданной любви — красоте,
недостаткам
неизменной столицы моей, то радушной,
то злой.
Наши встречи спонтанны и так непростительно
кратки
в многолюдном пространстве, где каждый
болеет собой.

В переходе подземном стоит сиротливая бабка.
Кто ее отпустил в эту дрянь-непогоду одну?
Взгляд, как будто прицел. Задевает. Снимаю
перчатки,
достаю кошелек, обвиняя людей и страну.

Я бреду, а вокруг все спешат в никуда
без оглядки.
Каждый третий, наверно, свою побеждает войну
в этот час, в этот день. Да и мне, откровенно,
несладко:
породнившись с Москвою, наутро покину
страну.

АХ, АЛЬБИОН, причал туманный...
Кто я тебе? — твой гость незванный.
Года, года промчались мимо.
Понять пыталась — не смогла:
ни серый морок поднебесья,
ни красоту нерусской песни.
«По-английски пред самоваром».
Пять вечера. На сердце — мгла.

Как вспомню русское застолье —
душе моей одно раздолье!
Янтарный мед из разнотравья
и горько-сладкий вкус его —
нигде не пробовал такого.
Сказать еще, но бедно слово,
когда ты берег свой оставив,
взамен не встретил ничего.

Две любви

ЧТО ДЕЛАТЬ, если две любви,
как день и ночь, как соль и сахар.

Не за таньгу, не за рубли
прошу и Бога, и Аллаха

мне дать ответ. Себе сама
солгу, а мне лишь правду надо.

Так можно запросто с ума
сойти — я здесь и там, а рядом...

пространство темное, где нет
той середины золоченой.

И мне в ответ, простой ответ —
правдивый, грустный, обреченный:

Меж двух огней тебе гореть,
сгорать и жить — беспрекословно.

Судьба — такая круговерть,
что ни судьба, то все условно:

и две любви, меж них мосты —
несуществовать легенды,

душа и тело — две беды,
две стороны, два континента.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ от тебя, тем ближе, ближе
скупая пустота ночной вселенной.
Лишь время, верный пес, мои залижет
багровые разбитые колени.

В дороге каменистой больше правды,
и боли тоже. К ней привыкнуть можно.
Я шла к тебе, а встретилась с преградой:
Восток и Запад — противоположны.

Там день зачат. Здесь ночь уходит в кому.
Банальное несовпадение, Бог с ним.
Чем дальше ты, тем больше мне знакома
пустая ночь, что не смертельна вовсе.